

– *Что кушаете?*

– То картошку, то лапшу, суп. Такой, мясной, я не кушаю, нельзя. Я б поела – давление. А откуда оно берется это давление не знаю. Вот пока масло сливочное помаленьку кушаю: на хлеб намажу, или Коля намажет на хлеб, токо кушаешь. Молоко нельзя кушать – сразу слабит.

– *Картошку любите?*

– То жареную, то топашку.

– *Топашка? А это как?*

– Толчёнка. Я, однако, пойду, лягу, не могу. Голова кружится. Давление и рвота. Тянет вода какая-то, тянет к середине, горькая. А другой раз покушаю, всё продуктами выходит обратно. Хоть давление, да хоть бы рвоты не было.

– *До свидания, бабушка. Живите!*

– Жизнь тяжелая, ухаживать некому. Надо постираться – людей просишь. Лучше б сама сделала всё, людей просить. Люди все заняты: кто на огороде, кто своё хозяйство. Мне стирать надо. Мне, спасибо, помогли. Я два года не мылася. Так, бельё меняла, а мыться не мылася. Так хорошо. Я говорю: «Ногти отросли». Она обстригла, да плохо, придется Колю просить. Такие когти, надевать уже ничего нельзя – зацепляются, большие. Тяжело, ножом сама потихоньку обрезаю, одну руку ножницами, а эту нет, правую. Куды деваться, такая жизнь тяжёлая. Наделали бы таких уколов, от которых помирают. Зачем таких оставлять на свет?!

– *Раньше в бане мылись?*

– Да.

– *Ну ладно, мы пойдем.*

– Уезжаете уже? Счастливы вам!

– *Не болейте! Отдыхайте!*

– Надоело: уже и сижу, и лежу, тяжело. Никому не советую до этих годов доживать. Тяжёлая жизнь. У нас которые помоложе на лет пятнадцать померли, а я живу. Они мою смерть забрали. <...>

– *До свиданья!*

– Здоровья и счастья! Счастливы!

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ВОСПОМИНАНИЕ» В РЕЧИ АМУРСКИХ СТАРОЖИЛОВ

Мы продолжаем публикацию рассказов-воспоминаний жителей сел Амурской области (см. «Слово. Фольклорно-диалектологический альманах», вып. 2 (2005 г.), вып. 4 (2006 г.)). Этот жанр преобладает в собранном во время научных экспедиций диалектном материале. В рассказах приводятся воспоминания о прошлой жизни, человеческих судьбах, крестьянском быте и труде, Великой Отечественной войне, праздниках, обрядах и др. В совокупности эти рассказы представляют своего рода народные мемуары.

«Раньше же всё сами делали, в магазинах-то ничё нету»

*Петрова Мария Ефимовна, 1930 г. р.,
с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Трунова М., Хлебникова О., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2008 г.*

М. Т.: *А расскажите, а вот посуда у вас какая была?*

М.Е.: Кака посуда?

М. Т.: *Угу.*

М. Е.: Да кака посуда, раньше вот этих чайников электрических не было, плит не было, машинок не было, все равно – самовары были.

М. Т.: *А из чего – из глины или алюминий? Что было?*

М. Е.: Не-е. Эти самовары были, эти – медные. Таки вот большие.

М. Т.: *Угу, тяжелые, наверно?*

М. Е.: Не-е, лёгкие были.

М. Т.: *Легкие?*

М. Е.: Ведёрные были самовары.

М. Т.: *Какие?*

М. Е.: Так(а) они углём, это, не то, што свет там, а кипит(ь), а, это, углями. Печки русские были, вот, хлеб пекли. Угольница была, углей насыпeshь, горячих.

М. Т.: *И как этот самовар называется?*

М. Е.: Самовар?

М. Т.: *Да, вы как-то называли этот самовар?*

М. Е.: Медный самовар.

М. Т.: *Нет, как-то ещё вы называли. Ладно.*

М. Е.: И это, вот, кипятили, заваривали чай, заваривали – пили. А какие была посуда раньше? Шибко-то, у богатых-то може(т), конечно, была, а свекровка одна жила. Мужа в двадцать восьмом году убили, в лесозаготовках. Вот она одна жила. Детей у ей пятеро было. Вот, вот это вот, сын, за которым я была, самый младший был.

М. Т.: *Угу.*

М. Е.: Во-от. И всё, уже у их никого нету, всё, поумерли Петровы. Ну, чё, посуд(а) была, каки(е) чашки, ложки, кружки.

М. Т.: *А вот одежда женская?*

М. Е.: Женская? Ну, одежда чё!? Носили тогда, коротка не носили, длинная. Ну, также платья были.

О. Х.: *А почему короткое не носили?*

М. Е.: А вот раньше грех был, штобы коленки вот так были видные.

М. Т.: *Да?*

М. Е.: Да-а. Штоб вот так вот была.

М. Т.: *Это нам жарко, мы поэтому так одеваемся. (Смеётся)*

М. Е.: Не, вообще, раньше так было. Вот свекровки... вот свекровка у меня была, у ей сарахван (сарафан) был в шесть полос.

О. Х.: *Это как?*

М. Е.: Вот.

О. Х.: *Пришивалось?*

М.Е.: Да-а, шесть полос, вот так вот, вот материал, вот шесть этих вот, полос. Вот тут вот, так вот на грудь, вот тут вот, так сборками был, так вот ляжки. Пояса были, таки тканые были пояса, краси-ивые. С этими, кистями, там были, вот так подпоясывались. А ночная вот рубашка, ну, вот, под сарафан рубашка, рукава кор... так длинные были. Тут вот, пускай она там будет какая, беленькая, или розовенькая, или как, а сюда вот, четыре полосы, уже эта, белая.

М. Т.: *Угу.*

М. Е.: Как рубашка была.

О. Х.: *А как-то это называлось по-особенному?*

М. Е.: А чё, я уж забыла. Называли как-то. У меня до-олго сарафан лежал, и этот, рубашка лежала, хфартук (фартук) лежал, тоже так же нагрудникам хфартук, широкий. Раньше красиво сами на руках шили. Шила она сама. Она была такая, одеяла зимние всем шила, стежила краси-иво, узорами стежила.

М. Т.: *А как стежила, это как?*

М. Е.: А вот эта...

М. Т.: *Вышивала? Нет?*

М. Е.: Руками да, краси-иво. У меня долго они лежали, а потом стали уже концерты тут выступать, в колхозе, стали, эта... Да самодеятельность та стала, и я а(т)дала имя. У них старинных собирали.

М. Т.: *А сейчас ничего у вас старинного не осталось?*

М. Е.: Не, ничё нету. Я им а(т)дала, туда имя в клуб. Они выступали так.

М. Т.: *А чего-нибудь маленького, например, как под вазочку, что-то вот такое, скатерочка, ничего такого нет старинного?*

М. Е.: Нет. У меня была старинная эта, как её, ступа медная, тяжё-олая, такой этот.

М. Т.: *А это что такое?*

М. Е.: Вот толкли раньше там, черёмушку толкли или там чё, боярку.

М. Т.: *Ягоду да?*

М. Е.: Ягоды, ага.

М. Т.: *На варенье, да?*

М. Е.: А, на всё, у меня стояла. Раньше мак сеяли же в огородах, вот, пост же поставали. Как пост, так сколь недель поставали. Свекровка не давала ничё молошное. Ни детям ничё нельзя было.

М. Т.: *А что нельзя было молочное?*

М. Е.: Нельзя было.

М. Т.: *Сейчас, наоборот, молочное всё.*

М. Е.: Да, по-церковному нельзя было. Вот. Она богу молилась, икон мно-ого у нас стояло, ага. <...> Тут две было хаты, две – ещё половина така была.

М. Т.: *А куда делась половина?*

М. Е.: А её, когда второй брат пришёл с фронту, с армии... Они уезжали у Якутию. Он женатый был, он старше его, с двадцать второго, што ли, года. Ну и дом, ту половину, про-

дали в Княzewку. Она трё... как, трёхстенная была, пристроенная к этой хате, раньше они называли горница.

М. Т.: *Так дома называли?*

М. Е.: А эта, как ку-ухня у них была.

М. Т.: *У-у, интересно...*

М. Е.: Тут вот люльки висели, их три или четыре невестки было. Вот свекровка и ишо три невестки, они вот сподряд все братья жили. Рядом все жили, братья. Это вот называлась у их как кухня: печка русская стояла.

М. Т.: *Это вот у вас сейчас, да?*

М. Е.: Аүа, вот щас в которой мы живём.

М. Т.: *И стоит до сих пор печка русская?*

М. Е.: Это, да, люльки висели, а там у их как горница была, у брата была: сервант стоял, потом, это, ра... койки стояли, диван, два дивана стояли. Оне там не спа... тока так вот, си...это, молодые, молодые отдыхали. А старые тут находились. Тут и люльки висели, раньше люльки, не кровати, люлька вот висела.<...>.

О. Х.: *А что они из себя представляли?*

М. Е.: Ну как вот, вот так вот, четыре этих вот, так вот и так, эти, палочки выточены и на станках, и вот так. Обшивались тряпкой, так вот вот. Так вот верёвочки были. Четыре верёвочки, там, это, крючок, а тут был этот, пружина такая. Вот и качали.

О. Х.: *А четыре здесь, детей было четверо? Четыре люльки, говорите, висело?*

М. Е.: Ну вот, были их, четыре невестки было. Оне рядом все жили, тут вот моя свекровка жила. У них... уже у-у, эта со све... с этим, са свекровкой жила она, аүа. Они жили здесь, а потом вот я с ей жила. <...>

М. Т.: *А русская печка что из себя представляет?*

М. Е.: Русская печка? А вы не видали ни раз? <...> А вон у кухни, у летней, делали русску печку. Я хлеб пекла там, и всё, а потом, э-это, осела, што ли, она, и от этого, от крыши отстала, вот так вот, вот отломи, и ни стала, так дрова в печке лежат, так и не стала топить, их ничё, так и стоит, так и не разломали её, так и стоит.

М. Т.: *Там пекли хлеб, что ещё пекли там?*

М. Е.: Пекли, ме-элочь пекли, чё там... Та-арочки, конё-очки там, чё ещё.

О. Х.: *Что такое тарочки?*

М. Е.: Ну, теста, вот, вот лепёшечку так делались, начинки положишь, блюдечком вот так вот, вот вырежешь, это, так вот сделаешь, не совсем, это, а так вот, вот это. Вот так вот возьмёшь, перевернёшь, а потом вот так это и вот так.

О. Х.: *Ну булочки?*

М. Е.: Не-ет.

М. Т.: *А конёчки?*

М. Е.: А конёчки тоже, так вот же, это, помажешь, там чем насыпешь, раньше маком посыпали или там, это, помажешь вареньями, завернешь вот так, ножиком обрежешь.

О. Х.: *А почему конёчки назывались?*

М. Е.: Они были как конёчек.

М. Т.: *А еще было что-нибудь такое, что еще пекли?*

М. Е.: Да всё пекли. Ну что?

М. Т.: *Расскажите, а может, вот встретится что-нибудь вроде тарочек и конёчков, мы ж такое не знаем, это интересно.*

М. Е.: У-у это, пекли и эти, маковки, варили, и эти, как их, вот всё стала забывать, памяти ни стало. Это маковки варили, уже это, сдобили-или тесто, сдо-обная была.

М. Т.: *А как они делались маковки?*

М. Е.: Э-эта, а вот так вот, вот, кружочками, были кружочки, вот так вот, кружочками, поменьше кружочек, поменьше кружочек, маленький, придавишь и-и в масло.

О. Х.: *Это тоже из теста?*

М. Е.: Да-а. Тесто сдоблённое.

О. Х.: *А сдоблённое, это как?*

М. Е.: Ну как, ма-асла, и яйца, и са-ахар. Все туда, всё – сдобное. Раскатывали тоненько-тоненько, раскатывали, а то и делали этими, как это, цветочками делали, и-и всяко.

М. Т.: *А цветочками как назывались?*

М. Е.: Как, тоже так же называли маковки.

М. Т.: *Да? А ещё что готовили?*

М. Е.: Как, как задумаешь, такими всякими и сделаешь.

М. Т.: *Угу.*

М. Е.: Кидали, орешки пекли. Варили, тоже так же у жиру варили. Жир вот, это там, масло, или сливочный масло растапливали, подсолнечный. Тогда в колхозе семечки сеяли, били, много получали. Этого масла подсолнечного, чистый масла была. Вот, всё делали. Ночами не спали, всё делали.

М. Т.: *В русской печи готовилось только из теста? Или картошку можно было, например, варить?*

М. Е.: Почему, блины пекли.

М. Т.: *Пекли да? А блины какие пекли, как делали?*

М. Е.: Да хоть пресные, хоть кислые, вот, к восьмому, вот, поставишь с вечера, подобишь. Утром размешаешь, отольёшь у кастрюльку. Вот. Там туды соды маленько, распла... разваришь, это, кипятчком, и печка топится, углей под... туды маленько подгребёшь к чё, к этому, ага, и на сковородке пекли.

М. Т.: *А пресные, это как?*

М. Е.: А пресные – молоко. Яйцев набьешь, молока туда. Яйца раз...этой, разобьешь ложкой или этим ли, чем там, разобьешь, разобьешь, молочка ульёшь. А-а, раз это, муки туды маленько, погуще сделаешь, а потом уже, соды раз, зак... эта, заваришь кипятчком, разваришь. Там ложечку соды. И молочка опять туда, тёпленького, и разведёшь, как тебе надо на блины, жиденько, и, это, масла ульёшь туда, у блины, у тесто, сахарку ложки две туды бросишь, и вот, печешь, на масле. Масла туды ещё ульёшь. Так вот, вот, у стакане. Ну, а потом печёшь, раза два-три сковородку намажешь этим маслом, а потом, это, так прямо наливаешь и всё, там же масло, у тесте. И пеки...

М. Т.: *А еще, блины вот были пресные, а ещё какие?*

М. Е.: Вот пресные, ну, кислые были.

О. Х.: *А кислые это как?*

М. Е.: Вот, ну вот, я говорила, што тесто от квашни отлилось, всегда отливали, и эта...

М. Т.: *Угу, а еще блины какие-нибудь были?*

М. Е.: Ну всё, а больше какие!? Лепёшки пекли.

М. Т.: *А блины делали, вот например, заворачивали внутри с чем-нибудь?*

М. Е.: Завора... хоть с творогом, хоть с повидлой делали, хоть с чем. Хоть с чем. Капусты поджаришь с мясом, это мясо наму... намелешь кварш (фарш).

М. Т.: *А это как назывались, такие?*

М. Е.: Да их просто называли вареники.

М. Т.: *Вареники называли?*

М. Е.: Блины, блины.

М. Т.: *Они не фаршированные называли?*

М. Е.: Да хошь вареники. Ну вот, и называли блины их фаршированные. Вот и всё. Пекли, да чё задумаешь, то и делали. Чё в голову придёт. Раньше же всё сами делали, в магазинах-то ничё нету.

М. Т.: *А пироги пекли?*

М. Е.: Пироги с рыбой пекли, и с капустой пекли. Вот капусты, пшена рас... распаришь его, это, туды помидорчиков накрошишь.

М. Т.: *А если зимой делается, без помидорчиков?*

М. Е.: А зимой, вон, солёные, раньше солили у бочках, зелёных.

М. Т.: *А можно солёные?*

М. Е.: Да, у бочках солили, зимой в погребах.

М. Т.: *Солёные помидоры можно было в пирог натереть?*

М. Е.: Да-а, да хоть на эта, на мясорубке. А вот зелёные солили в бочках, а патом, зимой, на их на мясорубке намелешь. У чугу... раньше чугуны были (э)малированные, в серёдке (э)малированные были. Вот, положишь туда и после хлеба, хлеб вытащишь с русской печки, и ставили. Ра(з)жаришь лук с маслом, перчик туда, этот красный, и туда, называлась икра.

М. Т.: *Да?*

М. Е.: Ну! За уши не оттянешь. Щас ничё не стали: то старой стала, то...

М. Т.: *А икру, вот ,например, тоже какую делали? Делали из кабачков икру? Или щас...*

М. Е.: Де-елали.

М. Т.: *И раньше делали да?*

М. Е.: Делали.

М. Т.: *А из баклажанов не делали?*

М. Е.: Раньше баклажанов не садили.

М. Т.: *А почему?*

М. Е.: А не знаю. Вот со свекровкой жила, их и в помине не было, и не сеяли их.

М. Т.: *А в каком году, примерно, баклажаны у вас появились?*

М. Е.: Да уже в каком? (Г)де-та-а в семидесятых, туды восьмидесятых.

М. Т.: *Да? Для вас это что-то новое, да, такое было, необычное?*

М. Е.: Ну, стали это сеять.

М. Е.: <...>Ну, мне кажется, вот те годы легче было жить, чем сейчас.

М. Т.: *А почему, как вы думаете, с чем это связано?*

М. Е.: Народ был дружный. Никаких не было вот этих, никого мы не боялись, хаты не замыкались. Пойдём на работу, палочку воткнёшь в эту, пробойчку, и ушёл на работу.

М. Т.: *И никто не лез?*

М. Е.: Не закрывались на ночь никогда, ну, крючок, чтоб там сенцы закрыть. Никто никогда... Сенцы, калидор вот, дверь-то есть.

М. Т.: *Сенцем называлось?*

М. Е.: Ну сё... сенцами, раньше так и называли. Не боялись никого. Што кто-то придёт или кто-то, ходят тут, это, бажевничут, или пьют, или коноплю курят, или чё. Как-то легче было жить. И вообще, всё дешевле было после войны, но, правда, после войны года два тяжело было, а потом карточки убрали, стало легче. Стало легче жить, стали... дальше – больше, стали обстановку заводить, кредит стали, обстановку стали заводить, стали жить, начали жить. А потом вот это демократы пришли, опять вот всё, нету ничё. Стали богатые, бедные, бомжи стали, убийцы стали. <...> А чё, раньше все работали, вся молодёжь работала, колхозы были, все работали. Некогда было ведь это, заниматься ерундой. Колхоз сеял, вот эту, коноплю. Ве... э-э, в войну его, вот, сожмут снопами, ходили, так вот кучку сделаешь, завязывали, это. У озёрах мочи-или, в озеро, в воду, складали, вот, они мокли там, скока не знаю, месяц или скока они там лежали. Потом вытаскивали, сушили, а потом была у колхозе мялка такая вот, один человек здесь крутит з(д)есь, другой там крутит, таких вот три было барабана, такие вот, с рубцами, вот так вот расстилали, клали, мяли, трусили эту, вот эту, чтобы эта...

М. Т.: *А трусили это как?*

М. Е.: Ага, ну и это...

М. Т.: *Это как трусили?*

М. Е.: Ну-у, вот так, трусили эту, чтобы это, палочки-то эти вот... Вот её вот так раскладывали, а вот это же остаётся, это, да, вот так вот это остаётся. Только дно вот, потом пряли бабки. Бабушка у нас, Арина, она... прялки были на этой, самодел... такие: вот колесо было и всё, и пряли. У колхозе эти мешки починяли, а-а, верёвки вили у колхозе с этой коноплей. Никто не знал, што, чё надо сделать с коноплей. Не знали.

М. Т.: *Угу. И много было?*

М. Е.: Да. Мак сеяли в огородах, сеяли мак, вот, пятнадцатилитровые вёдра, полные семян, нашелушивали.

«У-у, господи, всяко прожили»

*Болотина Татьяна Ильинична, 1936 г. р.,
с. Ураловка Шимановского р-на Амурской обл.
Беседовала Игнатенко С., 2002 г.
Обработала Лагута Н.В., 2008 г.*

– *Здесь море было?*

– Не море, а просто разлилась сильно Зeya, потому что тот ключ и этот ключ, они всё соединилось. <...>

– *А жители где жили?*

– Где жители? Жители на берегу Зеи. Да тут мало было, всего девять дворов.

– *Они сейчас живые?*

– Не-е, не живые. Они все уже поу... их никого нету.

– *Откуда они приехали?*

– Мой отец приехал с Благовещенска. Это считайте, от как на берегу Зеи начинать, сразу жил Власов Геннадий Захарыч, а потом уже Пискунов, а потом Андреевский, потом Семен Иванников, Стулёвы, которые ещё нашли здесь золото, Маслов и Дулепов, они нашли здесь золото, в Октябрьском.

– *Как они нашли?*

– Ширф, что ли, рыли?

– *Что такое ширф?*

– Вот видите, знаете, щас молодёжь ничё это не знает. Это называется, знаешь что, ну, большую, как тебе сказать, эту копали, яму, большую яму, глубокую, это называется ширф.

– *Для чего они её копали?*

– Ну, искали золото. И наткнулись на это золото. Они здесь первые нашли. Здесь Маслов и Дулепов. Такие вот были жители.

– *Чем они яму копали?*

– Ну чем? Кайло, лом, лопаты. Раньше-то этого ничё не было. Это кайло, это, как вам сказать, где-то у нас была, показать бы вам. Не знаю, где она сейчас, не скажу. Какой-то крючок, как тяпка, только она толстая-толстая, ну, они этой кайлой и долбали.

– *Куда они землю девали из ямы?*

– Ну, набрасывали на края, да и всё.

– *Они не закапывали яму?*

– Нет, яма так и оставалась. И дальше, и дальше... Это, они здесь по Октябрьскому кругом шурфу делали, ну, ямы, они называются ширфа́.

– *Куда они золото дели?*

– Сдавали. А здесь же это, когда-то был раньше тараксин (?). В леспромхозе когда мы жили, там был тараксин. Это магазин такой, называется тараксин, золото который принимает. И скупка, вот. Миленькие-то мои, мы-то старики уже всё прожили.

– *Чем еще здесь занимались?*

– Ну чем, лес валили, охотничали. Здесь очень мяса много было.

– *На кого охотились?*

– На кого?! Охотились, в охотсоюз сдавали. Тут такое было, такая организация – охотсоюз. Ну и в охотсоюз сдавали.

– *Зайцы здесь были?*

– Были, они и щас есть.

– *А чем их ловили?*

– Ну чем, петлями.

– *А ещё чем?*

– Ну чем ещё?! Ну больше чем их ловят? Петлями зайцев ловят.

– *А медведи есть?*

– Есть, а как же?! Есть.

– А их чем ловят?

– Их убивали с ружья. Мой отец хороший был охотник. У него были ружья, знаешь какие: бердана, трёхлинейка, переломка, шестнадцатый, тридцать второй.

– Что такое бердана?

– Бердана, то такое пультное ружьё. Значить, ну, он заряжается, как тебе сказать, по пять, что ли, патронов.

– Оно длинное было?

– Нет, вот тако(е) вышиной. Трёхлинейка, ну, это ста-арое ружьё, ста-аро-ста-аро. Бердана – это уже, считай, при советских, а трёхлинейка-то... Ну, они все были у отца с этим, в лесу. Он их не оставлял дома. В лес где-нибудь, в эту, какой-нибудь дупло поставит эти ружья, а потом придёт, там в дупло в этом заберёт, и всё.

– Он не боялся, что их кто-нибудь возьмет?

– А здесь раньше никто (никто) не ходил. Боже сохрани, чтоб раньше чё-то взяли. Ничего не брали. Это сейчас, я вот посмотрю... Я когда-то уезжала отсюда, мы же в Приморье жили пять лет, я сюда приехала, в Ураловку, совсем перевернулась. Одни воры, простите девушки, и проститутки, прости за выражение, да пьяницы. Дамы все пьют, как кобылы, невозможно. Я приехала, они на меня говорят: «А ты себя за человека считаешь, а ты водку не пьешь». Они меня не считают за человека, что я водку не пью. Они как зарядят неделю.

Яков Тушев здесь работал. Отец мой работал в лесничестве, и он приезжал. Здоровый такой мужчина, у-умный, не пил, не курил. Багадайка там был, в Благовещенске, это его был друг. Он работал на нестерском пароходе. Фонари зажигал. Тот был управляющий, а отец мой был помощник, а потом от он сюды переехал, в эту Ураловку. Ему понравилось: рыбалка, охота – все тут. И вот он сюды переехал. Здесь от мы и жили. А потом Багадайка, когда пошёл, его перевели этим, начальником, вот этим вот, министерства. Он отцу говорит: «Иди, Илья Иванович, да будешь на этом пароходе ходить управляющим». Ну как раньше, сейчас говорят капитан. Вот он всю Зею знал, отец. Вот почему, а мама-то не захотела. Вот мы здесь и остались, в этой Ураловке. Со сестрой совершенно слепые, потому что отец работал. (Г)де он работал? В охотсоюзе, что ли. Где-то он работал, в леспромхозе раньше было как, тогда бы детей учили. А мы с сестрой совершенно неграмотные. Это меня так отец назвал: «Вы ж у меня, дети, остались слепые». Вот как получилось. Вот век-то прожили. <...>

– Ваш отец работал на каком корабле?

– Пароходе? Пароход министерский.

– Как он назывался?

– Ой, даже не знаю, милые, не могу тебе сейчас сказать. Потом отец вот работал с Багадайкой. Это его был хороший друг в Благовещенске.

– А они в рейсы уходили?

– Ку-уда? Они здесь, на Ураловке, до ут... (г)де у них фонари зажигают. Они фонари-и возили, проду-укты эти фонащикам.

– Кто такие фонарики?

– Ну вот фонари-то зажигали. Они назывались фонащиками.

– Зачем зажигали?

– Ну, чтоб пароход, тут же раньше пароходы, знаете как, ходили.

– *Они освещали реку?*

– Да. На той стороне фонари были, и на этой стороне. Значит, столбы такие стоят, вот, они, примерно, на столб лезут, туда, зажигают этот фонарик. Пароход идёт и свет видит уже.

– *Как эти столбы назывались?*

– Не знаю даже. Очень уж много лет прошло. Я же говорю, что у отца там и сёстры остались, в Благовещенске, племянники. От к нам приезжал один племянник, Яков Тушев. Такой дядичек, ну, с этот столб, здоро-овый такой мужчина, по-олный, не пил, не курил. Как сейчас от запились, закурились, загнуты от эти от, ходют.

– *Ваша мама где работала?*

– Нигде мама не работала. Нас было десять штук. Она нигде не работала. У нас было две коровы ещё. Я говорю, когда Багадайка сказал приезжать отцу с Благовещенска, он подогнал две баржи. У нас две коровы, два быка было, две лошади. От так от мы жили здесь. (В)от. <...>

– *Кто у вас дом строил?*

– Какой? Этот? А это я уже пришла сюды, в этот дом. Не знаю, хто тут строил его. А раньше у нас (*нрзбр.*) возили по берегу. А наши все дома унесло в Чертово улово. В Чертово улово. Тут на реке Чертово улово есть. И вот, туда все дома унесло. Мы наутро встали, и у нас огород чё-ёрный весь, и ничё нету. На огороде как раз в ту пору, по-моему, как раз уже всёросло, всё в огороде, и было наводнение. Коров всех сюды оттудова, с берега, перегнали всё сюда. Стали ужинать, а вода в подполье бежит. Отец говорит: «Всё, ребята, давайте грузить». Погрузил всю свою шалоппню в лодку, и повезли вот на эту гору. Доставала до горы. Тут от так оно ходило кругом.

– *Что такое Чертово улово?*

– Так оно, в общем, Зея, а наколо (около) Зеи такой, как сказать, залив, ну и вот, все эти дома шли, все останавливались в этом улове, (в)от. Ну а чё, они пока дойдут дотуда, да, конечно, всё они поэто... вот они в Чагояне здесь.

– *Они разрушены были?*

– Которы(е) разрушены, которы(е) ни разрушены. Но у нас хороший тоже дом, дак он и не разрушился. У соседей тоже был хороший дом. Ну а чё ты, куда ты его оттудова потащишь, что ли, ко(г)да оно всё-всё в домах.

– *Вы заново дом строили?*

– Какой там, мы в землянке жили. Ничё ж тогда не было, всё поупёрло. Водой-то всё поснесло. Ну и землянку выкопали, да и в землянке и жили.

– *Как вы землянку копали?*

– Копали землянку лопатами, да и всё.

– *Насыпали бугор?*

– Да бугор, он сам был насыпанный.

– *Это вы, как пещеру, делали?*

– Ага. Ну, как пещеру, делали, да и всё. Потом настелили потолок, всё, да и вот, и там жили.

– *Чем потолок стелили?*

– Да ну набрали всякой ерунды, отец понабрал тут, да и понавез от таких, тоненьких этих, напополам поразбивали.

– *Деревяшек?*

– Да столбиков, и всё.

– *Не осыпалось?*

– Не осыпалось они ничё, у нас всё стояло, так хорошо наладились, чё там, а потом этот амбар перевезли. Амбар вот здесь вот был, вот зде-есь в конце почти этого ключа. Да, амбар мы свой перевезли сюды, и построил отец дом. Не здесь его строили, а в леспромхозе, (в)от тут, за рекой. Там тако(е) тоже было построение, здесь, ой-ой-ой! А ко(г)да (в)от бамовцы (*строители Байкало-Амурской магистрали – Н.Л.*) были на Тынке... Вот тут Тынок, речка. Ой, тут были какие дома всё. Но тут, правда, это, уже после наводнения, было всё это.

– *В землянке пол чем настилали?*

– А чем его настелешь? Ничем не стелили. Так ходили по земле.

– *А спали на чем?*

– Ну, а нары таки(е) делали, из дерева.

– *Кушать на чем готовили?*

– Печки были. Отец печку сделал. Глину накопал, кирпичей налепил, да и сделал печку, и готовили кушать.

– *У вас русская печь была?*

– Плоская плита была. Плита такая, вот как печки в избе.

– *В новом доме тоже была печь?*

– Была, а как же?!

– *Чем топите?*

– Дровами, конечно, топили, а чем же, сучки собирали. Тут же много было сучков. От, сучки наберём, от этих вот. У нас была лошадь, наберем сучьи, а потом поедem, привезем. И сучьи эти, чурку большу(ю) поставим, от так от, хлоп-хлоп-хлоп, и чурки от такими от полешками набьются, и наберёшь, и домой таскаешь. У-у, господа, всяко прожили. А светилку как делали, знаешь? Отец у меня сделал печку, а в печке от такую сделал, как тебе сказать, ну припечек, ямочку такую, сделал и тут трубу, и потом от мама сидит, шьёт нам чё-нибудь, а мы в светилку кладем шишки.

– *А зачем?*

– А как она будет шить-то на машинке? Шишки освещали эти, и всё.

– *Шишки с сосны?*

– Да, с сосны, от эти от, большие шишки. Ой, миленькие мои, всяко пережили.

– *Вам мама какую одежду шила?*

– Да всякую, каку(ю) придется. Ну, платья шили. Ребята наши от, толстовки, рубашки такие, от тут всё, от так всё как-то перебрато. Я уже щас и не знаю. Тут как сестра ко мне приехала с Аяка(?) в Приморье, ну, я плохо шью, и она, мы домашнее-то такое шьем, а чтоб хорошее платье, выйти, мы уже стесняемся, надо кому-то, чтоб сшил. Она говорит на меня: «Ты чё у мамы не училась?». Я го(во)рю: «Да ты последняя приехала, ты почему у мамы не училась, а?». От так от, миленька(я) моя.

– *Она шила вручную?*

– Нет, машинкой. У нас машинка ножная была. Мы тогда кого, да телку, продали. И она же тогда, в то время ещё, это уже до войны ещё было, мы покупали эту машинку, центрально-шпульную, ножную. Ну и вот, значит, мама этой машинкой нам шила. Да у меня и щас ножная машинка, с Приморья взяла. У меня и Колька шьет на ножной машинке, сядет – раз-раз-раз, а у меня щас рука и нога (*нрзбр.*). Я падала несколько раз, так у меня рука никак, и нога никак не работает. Надо же одной ногой шить её. Там такая доска, а у меня щас... Колька сядет и всё сам шьёт на машинке.

– *Только летнюю одежду шили?*

– И зимнюю(ю) шила. Она и козлюки шила. А это знаешь что? Этих на то бьют, а овчины-то эти, она их и выделывала, всё вот высушит эту овчину, выделают всю, потом её мылом намылят, положут, она полежит маленько, полежит. Потом эту берут, такой крючок, ото, от тут от ручка, а тут крючок такой, этим крючком эту шкуру выделывают, выделывают, выделают, она такая мягкая, её, как всё равно это, хоть в ухо вздевать, как говорят у нас, от такие вот, а потом козлюки она шила. То верх... Это как шуба, как шуба, от такой вот от. У козлюков мех наружу, такой от, такой от крупный мех на ей, и от он был наружу. А у нас унты, мы все в унтах ходили. Унты-то это, туда уже мех, в середину. Тоже с козлятины. Только отец выберет барловые, знаешь, такие вот осенние уже, называются барловые. Маленька(я) от така(я) шерсточка на них всё. Такие от значит и шьет нам унты. А тут с эти... И мы все в унтах шлепали, только пыль раздувалась. Что ты, милая, о-о...

– *Валенок не было?*

– А на что их купишь? Считай, восемь-девять человек семья. Их же надо всех прокормить. И тут хорошо, он охотник, дак мясо, картошка своя, капуста своя, огурцы свои, все своё. <...>

– *Ваш отец рыбалкой увлекался?*

– У-у, что ты! Он их, этих, налимов было (?) ой-ой-ой-ой-ой! Я говорю, он даже этих вот ловил, таймени! Вот такие вот! Посадит его в мешок, а из мешка от такой от хвост выходит рыбы. Было, пойдет вечером, набьет лодки от здесь от...

– *Это зимой?*

– Зимой, ага. И наставит крючки. Утром идёт, вытаскивает, и вот, от такая рыба. А налимов этих, дак чертова гибель была. Мы их и не ели.

– *А летом он на что ловил?*

– Летом – на рыбку, корчажки ставил, а потом попадет в корчажку рыбка, маленькая, от такая от. Потом на эту, насыпает и в Зею, а потом вытаскивает эту закидушку, или как она, перемётник называется. Это от така(я), знаешь, вот веревка большая, а на её крючки навязаны, от, и вот она значить, вытащит он эту рыбу там, всяку(ю) разну(ю) там, господи, и (*нрзбр.*) куда-то в Тынок перегораживал.

– *Он напротив речки её ставил?*

– Да-а. Ну, прямо в речку. А Тынок перегораживали, дак тоже всяка рыба там.

– *А какая?*

– Ну какая там?! Был и сазан, и этот, как он, забыла уже. Да еще тут много же рыб. И от всю эту рыбу пойдет проверять, а их там столько-а. Они в садке сидят. От так от жили. Тут всего было полно.

– Он на чем плавал?

– На лодке.

– С веслами?

– С вёслами. И то на такой, одновесёлочка.

– Он один плавал?

– Один. А с чем?

– Охотился он тоже один?

– Один.

– И не боялся?

– А кого бояться-то?! Ты знаешь, он такой охотник был хороший! Он от пойдёт на охоту, и от утром, от щас все спя-ят, а он утром пойдёт на охоту, и убьёт козульку. Если надо ему он две убьёт, одну так положит, одну так положит, и притащит. Здоро-овый был мужчина такой. Ну, он не пил, не курил. Ну, это же основное для человека, что ты. А который пьющий человек, он не будет такой здоровый.

– Он сам разделявал добычу?

– А как же?! А чё же там ее не разделать, добычу-то! Мы он в Приморье жили когда, у меня ко(г)да муж ехал с того, с работы, вернее сказать, ему попалась козуля. Он ее машиной стукнул и убил, ну, на бензовозе приехал, поехал на этот, на (нрзбр.) сливаться, пять кило-метров от нас. От пока он сливался, я эту козульку (нрзбр.) разобрала всю её. И он приехал, я уже мяса нажарила, вот как. А щас говорят: «А-а, кормить мужика, да пусть он, ну-ужен он мне шибко». А у нас, мы как, мы мужиков очень ценили, девчата, очень ценили, потому что он хозяин был, от так. А-а щас, девчата, я посмотрю, чудная какая-то жизнь.

– Раньше лучше было?

– Конечно, лучше было. Если он муж, его считаешь хозяином. А щас – пожалуйста, у них каж(д)ой муж. Муж по дрова – она вдова. Что ты будешь делать. Ну чё вы смеётесь? Точно. От такая от жизнь, девчата.

– Были прозвища друг у друга?

– Как? Кому? Не-ет этого, как-то я щас посмотрю, от щас они то так, то так, а у нас этого не было. Не-не-не-не, у нас как от, есть твое имя, вот и всё.

– В лес за ягодой ходили?

– Ходили, конечно.

– Какая ягода?

– Голубица. Здесь и земляника. От здесь от по ключу мы ходили, от здесь от, по этому ключу, от такой земляничник, и от такая от земляника большая, а щас го(во)рит: ничё нету.

– Земляничник – это кусты?

– Кусты, ну.

– Это поляна, где она росла?

– Ну, это земляничник, от, примерно, от она трава, называется земляничник. И от она, от такой земляничник (нрзбр.), и вот мы пойдём, наберём её, по ведру набирали, больше. А щас говорят, ничё нету ягоды. Ну чё, то гори-ит, то выбирают, то вырубают, щас же ни за чем не следят, абсолютно.

– Что вы с ней делали?

– Варенье варили. А с неё знаешь, какое варенье вкусное! Из голубицы варенье варили, из земляники. Есть и костяника. Есть вот такая, вот такие деревья у ей, как с кустарник от, и от такие от красные ягодки. Они как-то кучкой, от так от кучкой растут, по несколько ягодок в тоже (*нрзбр.*), в середине косточка у костяники.

– *По грибы тоже ходили?*

– То-оже. Здесь грибы раньше, миленькая моя, были, как хлёбальная тарелка, а сейчас их ничё нет, да сырые грузди. Оне прям аж вот так от висят, эти края-то, все от так от. О-ой, да такие посолишь их, да они такие хорошие, а сейчас этого нету.

– *Какие были грибы?*

– Рыжики, грузди, от эти сырые, грузди, сухи, дак их никто и не брал, белянки, сыроежки, волнушки. От такие вот здесь грибы.

– *Белянки какие?*

– От такие от, маленькие грибочки. Они это, и тоже краешки от загнуты у них. И от, их тоже мочут, а потом их моют, солют все, от это от, белянки. <...>

– *Когда были маленькой, вы дрова сами заготавливали?*

– Конечно, а как же, мы сами всё. У нас была лошадь, ну, мы и пилили, и валили, и всё. Да я не маленька(я) была. От у меня так получилось, что у меня ни стажа, ничё не осталось. Ну потому что это... А ведь я же и лес валила, и дрова пилила, и чурочка, от газочурочка, а что это такое, правда... Вы не знаете? Это на газогенераторные машины были. От таку(ю) мы газочурочку пилили для машины этой, машины-то на чурочках ходили, это щас на бензине.

– *Это топливо было для машины?*

– Да, да, да. Газочурочка была она. От, а лес, от так от знаешь, от стоишь целый день и от так от (*нрзбр.*), такой пенёк, от попробуй его повали-ка.

– *Вы выкорчёвывали?*

– Кого выкорчевывали? Лес валили, и дрова пилили. Дрова идешь пилить, а надо же, как ты её полезешь? Деревья всё ж так пилить, надо же свалить эту лесину. От свалишь лесину эту, дрова напилишь, наколешь, а она три пять(?) кубометров. От попробуй поживи(?) на них.

– *Лесина – это дерево?*

– Дерево, конечно. От она от тако(е) от дерево стоит, как этот столб. Вот подойдёшь её, и пилишь. О-о, миленькая, всяко было.

– *Чем вы пилили?*

– Пилами от этими. От две ручки. Этих же не было.

– *Куда потом деревья девали?*

– Как куда девали? Дрова, а сучки сжигали.

– *Там же?*

– Да, на месте и сжигали эти сучки. А потом и платок прожжённый, и фуфайка вся прожжённа. Они же горят-то, летит кругом. О-о миленька, ско(ль)ко прожили, не дай Боу никому. От этих же не было пил-то, от этих, как щас пилят. А всё вот этими во.

– *Как их называли?*

– Ну просто пила, да и всё. Двухручична(я) пила. Там ручка, там ручка, и пилишь от так от. Не зря щас руки здесь болят. Да Уосподи, я го(во)рю. И в Аяке (?) мы жили, я грузчи-

ком была, от клянусь Боуом вам, не вру. Из парохода, из трюма выносила семь(де)сят пять килограмм куль муки. От так от поставишь руку, от, куль сюды бросют, и идёшь. От щас ноги-то у меня болят от, от не могу ходить, болят ноги, а почему болят, ведь это же нехорошо, да? Ой, всё прожили. Ну вот что только всё не умираем.

**«...можно и на курятник, и на коровник, вот, и на поле,
и там, на полосе работали, сена там забирали, метали, копны клали...»**

*Лощенко Валентина Епифановна, 1937г. р.,
с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Горлова Л., Небора Е., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2008 г.*

– А-а раньше коноплю сеяли в колхозе, дак эт(о) само(е)...

– Ну вот, для чего?

– Не-ет, для веревок, веревки делали, да веревки были, хоро-ошие такие, крепкие, да. А веревки были хорошие, но тут, знаете, с этими, с коноплём скоко-о, от как от скосют, вот на полях, (*нрзбр.*) у косилки так, и вот ходили вот так от, снопами связывали их, и мы-ы, я помню, молодежи много было, и от на машину, и на машине вывозили (*нрзбр.*) туда. Да. И потом, эт(о) само(е), замачивали в озере женщины, во, по поясы в воде были, уже-е сентябрь месяц, женщины в озере, вот эти, ни-и особо большие были, ну уже, люди-то тут, мы ж уже на фермах работали, а люди-то еще тут, вот тут в озере, вот тут в озере еще люди купались, и они ещё. Вот так по пояс, руки, ноги, и-и по-женски ещё там будут болезни. Вот так, замачивали его, коноплю, вот, а потом его маленько чуть подсохнет, и потом это от, веялка такая, вдвоем крутить её надо, один туды закладывает, а двое крутють. Тама тяжело крутить. И я крутила, сама крутила, там ещё помогали, ну. В колхозе вот, работы везде всякой было, всякой, какой хочешь, специальностей – во-во! Любой!

– И все умели.

– И начинали, можно и на курятник, и на коровник, вот, и на поле, и там, на полосе работали, сена там забирали, метали, копны клали. Ну, где мы то(ль)ко ни работали, где мы то(ль)ко ни работали. Мы везде работали, куда нас то(ль)ко ни посылали, не отказывались никуда, не отказывались, кругом работали, кру-угом.

– А на лесоповал не посылали?

– Не-ет, ещё я до того не дожила. На лесоповал, весь ирион (район) туда от, мне брат и сестра ездили, и батя ездили туда, вот.

– Что рассказывали?

– Да-а. Ну-у, рассказывали што-о, вот, моего бы брата тебе бы сюда, он бы тебе бы точно бы рассказал бы всё. А-а в Князевке он живет, там любит, он бы тебе точно бы рассказал.<...>И он вам расскажет, как они на лесоповале были. И у меня сестра была там, три года (*нрзбр.*) с одним глазом была, ну все равно, эт(о) само(е), ездила три года. Раньше с колхоза так вырваться никак не вырве(шь)ся, то(ль)ко хто учи(ть)ца-а, срочно кому надо было, вот тех только справки давали, и те то(ль)ко ехали учи(ть)ца куда, в институты (*нрзбр.*), техникум, а так, шоб уехать, во-о...счастье небесное. Никого не пускал – работать некому, работать некому. Вот и всё, и никого не отпускали, вот так от.

Да. Строго было, строго было. Никого не отпускал, от на лесоповал ездили вот там, дак они уедут на зиму, ну, приезжают, продукты наберут и опять уедут. Вот. Вот у меня сестра ездила три года сподряд (подряд). Ну так, вырваться с колхоза, она первый раз съездила – приехала, второй раз съездила – приехала, а на третий раз решила вырваться, завербовалась там, на три года завербовалась, и только она там три года пробыла, и только на этим она ушла с колхоза. Вот так от. От попробуй вырваться, с колхозу уехать, не дадут справку, не дадут и-и не исключат с колхоза, и в городе не примут тебя на работу, хоть где-е, хоть куда, никуда не примут, вот так от. Вот она ездила, эт(о) само(е), а Надя рассказывала, што, ну, доставалось, конечно, это же не мед, все-таки же лес, попробуй с лесом, ну-у, с лесам так шибко-та (нрзбр), всё равно работали. Чё - заставляли, чё говорить, где, может быть, и ветки собирали, да мы и сами ездили в сопки, вон туды он, в марте месяце писят шестом году. Много нас ездило, человек, наверно, пятнадцать-двадцать, мужики и женщины, девчатами ездили он туда, к Натальевке, аж туда он ездили, эт(о) само(е), сучья жгли. Ну, мужики готовили дрова, а сучья-то откидывали, и мы их жгли, а смотрим, они ж горят-то хорошо, то у одного фуфайка загориться, то другого фуфайка загорит, то там тушут, то там тушут, эт(о) само(е). Она же трескает, не идёт, искры-то летят, ну, и кто, эт(о) само(е), и вот, то у того загорит, то у другого, то у третьего загорит, ну и всё, эт(о) само(е), на... работали, ездили, сучья жгли. Наша дяляна, например, задают на нашу деревню какую дяляну, вот, вырубить лес, эту дуб, дуб, берёза там, осины там нету, дуб да берёза бывает там, вот в сопках, сопках, примерно (в)от. В сопках чё там растёт, ну, дуб растёт там...